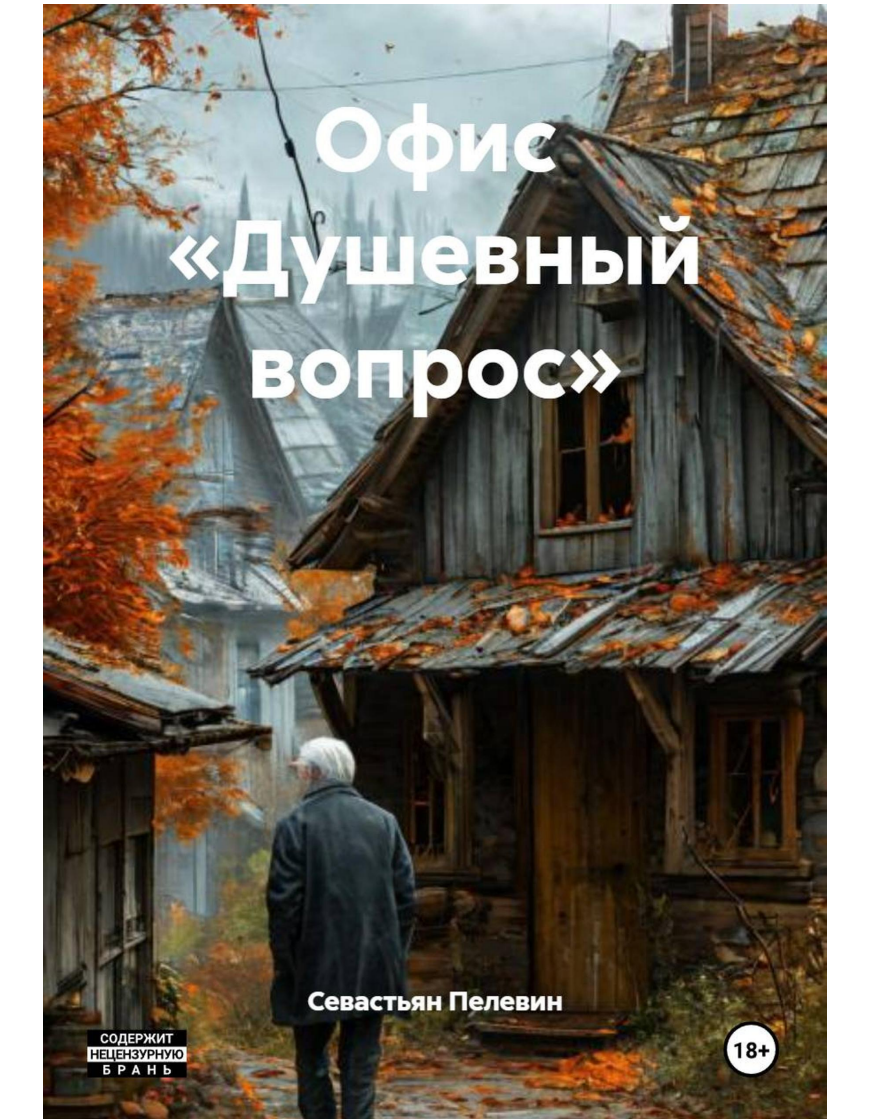

Офис «Душевный вопрос»

Севастьян Пелевин

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Севастьян Пелевин

Офис «Душевный вопрос»

<https://litres.ru/74461123>

SelfPub; 2026

Аннотация

Главный герой приходит в убогую, затхлую конуру к странному седому мужику, который дает необычные советы. Если тебе нравятся меланхоличные городские зарисовки с глубоким смыслом и жизненной философией — тебе точно зайдет. Читается на одном дыхании.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	7
Глава 3	10

Севастьян Пелевин

Офис «Душевный вопрос»

Глава 1

Я подымался по старому подъезду, на первый взгляд это была пожившая, потрепанная лестница, построенная полвека назад, стены все изрисованы, на подоконнике стоял завядший цветок, столько вопросов, но ни одного ответа. Мне некогда было думать об этом, или не интересно, цель моего прихода была в другом. Я постучал в дверь, она легко открылась. Сразу в нос впился едкий запах сигарет, я чуть приоткрыл дверь и спросил:

– Ты тут?

Дверь открылась, и за ней простелился хаос, как будто каждая вещь не на своём месте. По центру стоял старинный письменный стол из дуба, весь покоцанный, в некоторых местах уже слазил лак. За ним сидел мужик, лет 45, а то и всех 50, так сразу и не скажешь. Выглядел он как подъезд его дома — жухлый, старый и мятый. Его волосы уже давно меняли цвет, лицо уже все в морщинах, на подбородке красуется годовая щетина. Услышав мой голос, он поднял взгляд на меня.

– Проходи, мой друг. С какими новостями ты сегодня? –

он дружелюбно показал рукой на стул рядом, я прошёл.

Это был не первый раз, как я к нему пришёл: я стоял на остановке в ожидании автобуса, и в глаза бросилась листовка, приклеенная на столбе. На ней было написано: "Душевный вопрос" и адрес этого офиса. Сложно сказать, чем именно этот старик здесь занимался, однако в этом я видел хорошую возможность поболтать с незнакомцем, которого не встречу нигде, кроме как в этой вялой коморке. Я сел рядом. Воздух был осквернен никотиновым дымом вперемишку с алкоголем. Я не мог отказаться от стакана дорогостоящего виски.

– Рассказывай, что тебя тревожит?

– У меня возникла какая-то проблема: я постоянно думаю, что что-то забыл и где-то ошибся, но не знаю где, и исправить у меня это не получается, но это чувство поедает меня, – сказал я, сделав небольшой глоток смертельного напитка.

– А знаешь, в Праге есть мост, куда люди приходят каждый день, чтобы повесить замок в знак надежды на будущее, и выкидывают ключи в реку, – он затянулся дешёвой сигаретой, а затем тяжело выдохнул. – Как думаешь, они боялись, что ошиблись? Нет. А в Японии есть мост, с которого все прыгают. Власти долго пытались этого избежать: ставили сетки, назначали патрули и даже поставили рядом будку с психологами, но люди продолжали идти туда. Знаешь, что осознаешь, когда до воды остаётся 5 метров: ты ошибся, и изменить уже ничего нельзя.

На улице начало тускнеть, старик допивал остаток виски в своём стакане.

– Это не ты что-то забыл, это забыли предупредить тебя, что началась взрослая жизнь. Вечный экзамен без билетов, но хорошая новость — никто не готов к нему, — старик говорил и почесывал свою седую голову.

– Но я не могу оставить эти чувства, они волнуют меня каждый день, мне сложно с этим смириться.

– В Берлине есть аптека, в которой продают пустые склянки. На этикетках: "От тревоги", "От ночных мыслей" и многое другое. Люди покупают их годами. Но проблема не в том, что чувство усиливается, а в том, что ты начал верить в его право на это, — седой мужичок встал и подошёл к окну. – Когда чувствуешь, что "где-то ошибся" — записываешь конкретный кошмарный сценарий. "Не выключил утюг — дом сгорит". Через неделю перечитаешь, и – он улыбнулся слегка и продолжил – усмехнувшись, обнаружишь, что 99% катастроф так и остались чернилами.

На столе телефон внезапно вибрирует — кто-то прислал сообщение, которое можно прочитать завтра. Или никогда.

Глава 2

После прошлого визита к нему я стал вести блокнот. Как старик и сказал, мои опасения оказались лишь детской боязнью. С последней нашей встречи прошло около месяца, наверное, так и закончилась зима, которая в моей голове только началась. Я решил навестить к нему ещё раз. Подойдя к подъезду, в глаза бросилась листовка открытия магазина «Яркая жизнь». "В таком тёмном дворе и яркая жизнь? О чем думал человек, когда вешал её сюда?" – подумал я. Поднимаясь по лестнице я обратил внимание на стены: такое ощущение, что ремонт тут не делали вечность, да и кому это надо.

– Привет, мой юный друг, я тебя заждался, – сказал старик, увидев меня.

Я прошёл в так называемый офис «Душевный вопрос». Все осталось на своих местах: даже часы, которые висели на стене, как будто остались в том же положении, бутылка дешевого виски стояла на прежнем месте, только как по волшебству наполнилась сама, и пепельница рассыпалась от остатков лёгких, которые были уже полностью прокурены.

– Знаешь, заходя к тебе, я увидел листовку «Счастливая жизнь», – сказал я, садясь поудобнее в кресло, – удивительно встретить её в мгле старого двора.

Он задумался немного над моими словами, словно вспо-

миная, видел ли он сам эту брошюру или нет.

– А, эта листовка... Она висит там еще с прошлой весны поверх объявления о пропавшей кошки. Они лепили эти бумажки на все двери в округе, думая, что яркость жизни измеряется в краске на квадратный метр.

– Я слышал, что этот магазин одежды закрылся уже давно из-за нехватки покупателей.

– Видишь ли, в этом городе есть два вида магазинов: одни продают одежду, другие — надежду. Первые закрываются, когда заканчиваются деньги, а вторые, когда у людей заканчиваются силы верить, что новый пиджак может сделать их счастливыми, — он достал сигарету из старого портсигара, и в его глазах появился отблеск того, что он когда-то видел. — Помню в 90-х тут был магазин «Грезы», хозяин магазина вешал на манекены записки с пожеланиями: «Стань смелее», «Найди любовь». Люди приходили не за платьями, а за этими клочками бумаги, и проводили там часы. Тот магазин буквально сгорел, а этот просто тихо закрылся.

– Знаешь, она заставила меня задуматься, — повисла тишина, слышно было только капанье сосулек, — о смысле жизни.

– Листовка? Обычный клочок бумаги, клея и лжи, а ты сделал из неё философский вопрос. Может это и есть смысл — находить глубину в самом плоском, — он сделал глоток виски, закрыл глаза и откинулся на спинку своего кресла. — Смысл жизни не в том, чтобы найти ответ, а в том, чтобы

продолжать задавать вопросы, даже когда знаешь, что ответа нет. Особенно — когда знаешь. Эта бумажка, как все мы: родилась с громким лозунгом, старалась быть заметной, но закончит в мусорном баке. Но кто-то ведь заметил её? Кто-то задумался? А значит не зря.

После нашего диалога, выходя из подъезда, я посмотрел немного на листовку и сорвал её. Пусть лучше она останется у меня, чем вся её история закончится тут.

Глава 3

Воздух был холодным и колким, но не это заставило меня замедлить шаг. На скамейке у подъезда, в том самом дворе, где даже клумбы выглядели покинутыми, сидели они. Двое. Парень — совсем мальчишка с таким горящим взглядом, что, казалось, мог растопить иней на асфальте, и девушка, закутанная в его спортивную куртку и смеющаяся так, словно на свете не существовало ничего, кроме этого скрипучего сиденья и мужской руки, которая сжимает её пальцы. Они не целовались, они просто смотрели друг на друга, и этого было достаточно, чтобы вокруг них образовывался невидимый кокон, недоступный для серости и разрухи. Я прошел мимо, и странное чувство — не зависть, а скорее острая, щемящая ностальгия по чему-то, чего у меня, кажется, никогда и не было — подтолкнуло меня вверх по знакомой лестнице к потрёпанной двери.

— Видел сейчас двух влюбленных, — выпалил я, едва переступив порог. — Во дворе. Словно два цветка, проросших сквозь асфальт.

Я сел на своё уже обыденное место, передо мной стоял стакан с виски, как будто предчувствовав мое появление, сам наполнился этим дешёвым и горьким вкусом. В углу, на полке, стояла ваза с засохшими розами и старая пожелтевшая бумажка, буквы на ней стали не читаемы от времени.

– Влюблённые... Их счастье похоже на свет уличного фонаря, яркое, но такое хрупкое в этом вечернем тумане, – старик прищурился, следя за дымом. – Я видел их много.

– Знаешь, они пробудили во мне странные чувства. Какой-то ностальгии.

– Мне знакома эта грусть, подобная отзвуку далёкого поезда в ночи. Ты грустишь не о них, а о том отражении счастья, которое когда-то видел в собственных глазах, – старик сбросил пепел с остатка сигареты. – Но знаешь, что важнее? Эта грусть — не пустота. Она как запах ушедшего поезда на станции. Доказывает, что твоё сердце ещё помнит форму счастья.

– А ты когда-нибудь любил? – я перевел взгляд на вазу с цветами.

Старик встал и подошёл к завядшим цветам, достав сигарету из истрёпанного временем портсигара, и закурил. Дым его сигарет пестро вился по комнате в последних лучах зимнего солнца.

– Она носила платок с запахом опавшей липы и всегда смеялась, чуть запрокидывая голову, будто пытаясь рассмотреть звёзды сквозь дневное небо. Мы тогда жили в комнате с видом на двор, где сосед каждый вечер играл на аккордеоне одну и ту же мелодию. Казалось, этот звук навсегда вплетётся в нашу историю, – старик остановился, чтобы попробовать свой излюбленный напиток. – Я уже не помню её лица, но в моей памяти навсегда остались солнечные зайчики,

прыгающие по её волосам.

– Прости за нескромный вопрос, но что с ней случилось?

– Жизнь, мой друг, иногда пишет такие сценарии, которые не согласился бы снять ни один режиссер. Она уехала в город, где море пахнет свободой, а солнце светит ярче. Слышал, она вышла замуж за парфюмера, по иронии судьбы – за человека, который зарабатывает на чужих воспоминаниях о запахах. Сейчас она, наверное, пьёт кофе в парижском кафе и поправляет прядь тех же волнистых волос, что когда-то пахли липой. А я всё жду, когда сосед сверху снова начнёт играть на аккордеоне.

– Ты не жалеешь об этом? Ты мог поехать с ней. Старик долго молчал. Пепел с сигареты сам осыпался на пол.

– Жалеть? — Его голос прозвучал тихо и устало, будто он задавал этот вопрос самому себе тысячу раз. — Жалеть — это когда ты упустил что-то по глупости. Я же не упустил. Я отпустил. Добровольно. И это... в тысячу раз хуже. Сожаление можно выпить. С этим же — живешь. Каждое утро просыпаешься и первым делом не открываешь глаза, а заново принимаешь это решение: не ехать. И так — тридцать лет подряд. Это не сожаление. Это приговор, который ты сам себе выносишь пожизненно, — он посмотрел на засохшие розы. — Я мог поехать. Билет лежал в кармане. Я даже дошел до вокзала. Но я подумал: а что я могу дать ей в этом сияющем мире? Свою тоску по прошлому? Свою неловкость? Нет. Я подарил ей свободу от себя. Иногда самая большая любовь

— это не "быть с", а "отпустить с миром". Пусть она дышит духами, а не липой. Пусть слушает джаз, а не соседский аккордеон. Это был мой последний подарок. И мое последнее наказание.

Я не нашёл, что сказать. Слова застревали в горле комом, гудевшим той самой несыгранной мелодией. Мы молча допили свои стаканы. Горечь теперь казалась не просто вкусом, а вкусом той самой правды — тяжёлой, некрасивой, без иллюзий.

Я ушел, когда совсем стемнело. На скамейке никого не было. Только на сиденье лежала забытая женская перчатка — одинокая, чёрная, уже покрывающаяся инеем. Я поднял её и медленно, будто совершая какой-то обряд, повесил на ветку липы. Может, она вернётся. Может, нет.